

УДК 81'373.612.2
DOI 10.17223/18137083/68/14

Л. И. Горбунова, Цай Вэй

Иркутский государственный университет

**Область-источник когнитивной метафоры:
status quo и перспективы исследования**

Систематизируются данные об области-источнике когнитивной метафоры, изложенные в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Дается краткий обзор работ, в которых задействовано изучение области-источника когнитивной метафоры, а также их группировка в соответствии с аспектом рассмотрения области-источника. Демонстрируется сосредоточенность современной когнитивной метафорологии на области-мишени. Намечаются перспективы целостного описания отдельных концептуальных областей как источников когнитивной метафоры и доказывается необходимость такого рода исследований.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концептуальная метафора, область-источник, область-мишень.

Развитие научной мысли со второй половины XX в. во многом обусловлено следующим выводом Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25]. Главной революционной идеей в понимании метафоры стало выделение ее новой функции – когнитивной, а сама она была определена как процесс и результат установления связи между областью-источником (*source domain*, далее – ОИ) и областью-мишенью (*target domain*, далее – ОМ): «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Там же, с. 27]. Так как метафоры, представленные в языке, соотносятся с метафорическими представлениями о действительности, то изучение метафорических выражений можно использовать для исследования когнитивной деятельности человека.

Концептуальная система формируется в результате функционирования человека в материальном и культурном окружении. Характеризуя концептуальные

Горбунова Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664000, Россия; ludgorbunova@mail.ru)

Цай Вэй – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664000, Россия; cwnhm312@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© Л. И. Горбунова, Цай Вэй, 2019

области, которые используются как ОИ, Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают два важнейших соотношения: конкретное – абстрактное и перцептуальное – культурное. Как следует из изложения, эти виды отношений тесно переплетены, сложно взаимодействуют.

ОИ и ОМ не эквиваленты с точки зрения направления метафоризации. Авторы теории концептуальной метафоры характеризуют ОИ как более конкретное знание, оно формируется как результат физического взаимодействия человека с окружающим миром. Противопоставление ОИ и ОМ по степени конкретности стало довольно часто воспроизводимым тезисом в современной метафорологии¹. «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или неструктурированные по своей природе сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff, 1993, p. 245]².

Именно тезис об однонаправленности метафоры от конкретного к абстрактному стал и наиболее критикуемым. Работы по когнитивной метафоре доказывают, что в качестве ОИ могут выступать и нематериальные области [Попова, Клименко, 2017; Ковалев, 2017] и, более того, что метафора обратима. При этом уже описанный языковой материал свидетельствует, что все-таки, во-первых, среди выявленных ОИ нематериальные сферы встречаются намного реже, чем конкретные, материальные; во-вторых, в случаях обратимости метафор взаимодействуют чаще, хотя и не исключительно, также материальные области («человек – машина», «человек – дом», «человек – растение», «человек – животное») [Резанова, 2012; Ковалев, 2017; Абрамова, 2018].

В разделе о структурных метафорах Дж. Лакофф и М. Джонсон анализируют и метафоры с ОИ, не относящиеся напрямую к конкретно-предметной области: «война», «ресурс», «вещество», «азартная игра», «колдовство». Обоснование возможности использования знаний о данных областях действительности в функции ОИ – осмысление мира «в достаточно более точных терминах» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 97], «в терминах, более удобных для понимания» [Там же].

В этой работе о метафорах предпринимается попытка объяснить, почему метафорический процесс обычно направлен от материальных областей к нематериальным. Говоря о базовом опыте человека, к которому относится не только сенсорно-моторный, но и эмоциональный, ментальный, культурный, Дж. Лакофф и М. Джонсон особо выделяют физический опыт, так как он определяется в терминах функций человеческого тела, рождается из двигательной активности человека, поэтому конкретен, структурирован и не нуждается в дальнейшем истолковании. Эмоциональный же опыт «существенно менее четко определен в терминах функций человеческого тела» [Там же, с. 94] и «никакая ясно определенная понятийная структура для эмоций не возникает исключительно на базе пережитых эмоций» [Там же]. Поэтому эмоции, будучи также частью опыта, не могут быть определены сами по себе, их определение нуждается в когнитивной опоре.

Итак, поскольку физический опыт определен более четко, это является одной из причин того, что нефизическое обычно концептуализируется в терминах физического.

Дж. Лакофф и М. Джонсон отвечают на вопрос о соотношении перцептуального и концептуального в метафоре. Одним из важнейших положений когнитивного подхода к пониманию метафоры является следующее: «Для описания осно-

¹ Ср., например: «С точки зрения исследователей, функция концептуальных метафор состоит в представлении сложных и отвлеченных событий с помощью более простых и конкретных. Метафора является единственным способом осмысления абстрактных сущностей» [Попова, Клименко, 2017, с. 53].

² Metaphor allows us to understand a relatively abstract or inherently unstructured subject matter in terms of a more concrete, or at least highly structured subject matter.

ваний понятийной системы, пожалуй, наиболее важно разграничить опыт и то, как мы его концептуализируем» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 95].

М. Джонсон является автором термина **образная схема** (или *образ-схема*, *image-schema*), который используется при обосновании когнитивного представления о метафоре. ОИ формируется на основе обобщения опыта обыденного взаимодействия с миром и представляет собой систему образ-схем (*image schema*), которые регулярно воспроизводятся при физическом взаимодействии с миром. Образ-схема – это динамический образец (pattern) восприятия моторных программ, схематическая структура, с помощью которой организуется наш опыт, придающая ему связность и упорядоченность. Именно категории, связанные с физическим опытом, продемонстрированы в классическом труде «Метафоры, которыми мы живем» («верх», «низ», «перед», «зад», «путь», «вместилище»).

При этом Дж. Лакофф и М. Джонсон подробно описывают роль физического опыта и культуры в формировании ОИ. Ученые не определяют, что такое физический и культурный опыт, однако из изложения материала можно понять, что физический опыт складывается из впечатлений о функционировании тела, его положения в пространстве, соотношения функций тела и локализации. Культурный же опыт формируется на основе практического взаимодействия с окружающим миром, использования его составляющих, выделения роли фрагментов мира в жизни человека, целесообразности их использования.

Утверждая, что многие метафоры основаны на телесном опыте, Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что даже он не определяется только формой тела – любой опыт вплетен в культуру. Нельзя также говорить, что телесный опыт просто интерпретируется культурой, как бы накладывается на него. «Более корректно утверждение, что опыт составляет плоть нашей культуры, что мы познаем “мир” так, что наша культура уже включена в каждый акт познания-опыта» [Там же, с. 94]. Говоря о культурной обусловленности метафор, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают и их физическую обусловленность, отмечая, что об этом мало что известно, поэтому здесь выводы могут быть неточными.

Таким образом, даже ориентационные метафоры, которые являются отражением физического опыта, того, что «наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [Там же, с. 35], не самоочевидны, они отличаются тем, как вплетены пространственные понятия в ту или иную культуру, как они концептуализированы. «Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные оппозиции “верх – низ”, “внутри – снаружи” и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре» [Там же], поэтому, изучая содержание таких метафорических выражений, можно установить содержание опыта, не только культурного, но и физического, приобретенного носителями той или иной культуры.

Если попытаться вычленивать из анализа метафорических выражений, представленных в книге, какие знания о пространстве наиболее актуальны для англоязычной культуры, то можно утверждать, что, например, локализация наверху связывается с общим позитивным состоянием. Согласованность же метафор позволяет сказать, что к позитивному относится власть, сила, успех, увеличение, веселье, предсказуемость, будущее, неизвестное, добродетель, рациональное, здоровье, жизнь. Разнообразные представления о верхе объясняются тем, что «вертикальное измерение различными способами вторгается в область нашего опыта» [Там же, с. 43], в результате создается целый комплекс представлений о фрагменте действительности, который позже используется для познания чего-то иного, т. е. об ОИ.

Таким образом, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, перцептуальное и культурное сложным образом взаимодействуют в метафорическом процессе. Но все же в познании-опыте выделяются более физические (например, принятие вертикального положения) и более культурные установки.

Ставится задача по возможности выявить эмпирические и культурные основания представлений о «верхе» и других ОИ. Описание же ОИ позволяет сделать выводы о картине мира носителей языка. Предполагая, что многие пространственные концепты встречаются во всех культурах, авторы считают, что то, «как концепты ориентированы и какие ориентации важнее, в разных культурах различно» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 48]. Именно потому, что в англосаксонской культуре «верх» связывается с положительной зоной аксиологической шкалы, он и способен быть ОИ для представления перечисленных смыслов. Само существование оппозиции «верх – низ» как важнейших ОИ также говорит о центральности и значимости вертикальной ориентации для англосаксов, хотя в других культурах эта оппозиция может не быть настолько значимой, уступая место, например, противопоставлению центра и периферии. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят примеры представлений о «верхе» и «ниже», отличающихся от англосаксонских.

Составляющим физического опыта, выбранным данной культурой как основание метафор, присваивается статус базовых. Вводя понятие *базовые концепты*, Дж. Лакофф и М. Джонсон не определяют его, однако приводят примеры: «физическая ориентация», «объекты», «субстанции», «виденье», «путешествия», «война», «сумасшествие», «пища», «строение». При первом приближении понятно, что этот список не исчерпывающий, далеко не системно представляет базовый опыт человека и включает не только представления, сформированные на основе перцептуального опыта.

Основной вывод, который следует из изложения соотношения между перцептуальным и культурным, таков: «Материальное основание метафоры неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [Там же, с. 43].

Составляющие ОИ и их характеристики Дж. Лакофф и М. Джонсон называют фрагментами концепта, которые играют неодинаковую роль в метафорическом процессе.

Согласно исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, ОИ имеет традиционно используемую и не используемую в метафоре часть. «Метафорические концепты лишь фрагментарно используются для структурирования наших обычных понятий. Метафорические концепты выходят за область буквального, так как неизбежно содержат части, которые в обычном случае не используются для осмысления обыденных представлений человека» [Там же, с. 90].

В нескольких главах своей работы авторы подчеркивают идею отбора характеристик ОИ для использования в структурировании мира. Отбор осуществляется под влиянием культуры. Сами результаты этого отбора являются значимыми для познания когнитивной деятельности человека. Очевидно, что задействованные в метафоре фрагменты ОИ оказываются особыми.

Таким образом, важно выявить те характеристики ОИ, которые эксплицируются в метафорических выражениях, отражают наиболее существенные с точки зрения данной культуры признаки и свойства. Это важно для когнитивной лингвистики, поскольку позволит выявить состав базовых знаний. Это необходимо также и для составления традиционных толковых словарей. Например, если проанализировать признаки металлов, которые указываются в словарных дефинициях

наименований металлов, то возникает впечатление некоторой случайности отбора³.

Это существенно также и для словарей активного типа, поскольку позволит более обоснованно составить словники, отобразить лексику, отражающую ключевые понятия и представления языкового коллектива. Кроме того, выявление и изучение характеристик, используемых как источники когнитивной метафоры, будет основанием для включения сведений о них в словарь, так как именно эти сведения служат когнитивной опорой при использовании и понимании единиц языка. В таком случае становится в полной мере понятно, что имел в виду человек, употребляя то или иное слово.

По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, словарные дефиниции, фиксируя производные метафорические значения слов, отражают результаты регулярного использования фрагментов ОИ. Однако именно в потенциале неиспользуемых частей состоит образность авторских метафор, «в особых контекстах вполне можно создать новые метафоры, основанные на этих компонентах метафорического концепта» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 91]. Участие в когнитивном освоении ОИ используемой или неиспользуемой в метафоре части ОИ – основание для квалификации речи как обычной или образной, творческой.

Поскольку, как считают Дж. Лакофф и М. Джонсон, авторские метафоры не структурируют обыденный опыт человека, а возникают чаще в субкультурах, то такого рода метафоры представляют относительный интерес для науки. Однако, как показывает анализ языкового материала, использование новых аспектов ОИ происходит не так уж редко и реализуется всем языковым коллективом. Например, словари не отмечают колористического и ценностного значений прилагательного *платиновый*, однако они довольно частотны в речи современного человека и не привязаны к какой-либо группе (*платиновая блондинка*, *платиновая карта*). Использование новых аспектов ОИ для освоения ОМ отражает динамику картины мира, что также значимо для когнитивных исследований.

В связи с анализом категории каузации Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят о сложности устройства некоторых базовых категорий, которые одновременно являются холистическими, функционируют как некая целостность, так как формируются на основе постоянно повторяющегося комплекса характеристик, но при этом допускают неограниченно глубокий анализ. Как представляется, и фрагменты материальной действительности также являют собой разложимую целостность, что обусловлено синтетичностью человеческого восприятия и способностью к анализу.

Итак, целостные ОИ можно разложить на составляющие, выделить характеристики, которые разнообразно вовлекаются в процесс метафорического освоения мира.

Огромное количество и многоаспектность современных когнитивных исследований метафоры свидетельствует об устойчивом интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафора признается средством познания действительности, инструментом организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности. И если изучать метафору в первом из названных аспектов, то в фо-

³ Ср, например: *золото* ‘химический элемент, благородный металл желтого цвета, обладающий большой ковкостью и тягучестью (употребляется для выделки драгоценных изделий и в качестве мерил ценности)’; *медь* ‘металл красноватого цвета, вязкий и ковкий’ [Словарь русского языка, 1981–1984]. Чем, например, вызвано то, что по отношению к меди не указывается, что это тоже химический элемент, что медь тоже включена в шкалу ценностей (золото – серебро – медь), что медь также является материалом для изготовления артефактов. Это тем более некорректно, если учесть, что по крайней мере два из последних указанных признаков задействуются в формировании производных значений существительного *медь*, отмечаемых этим же словарем.

кусе должна находиться ОМ, если же в двух последующих, то внимание необходимо направить скорее на ОИ.

Однако изложение новых представлений о метафоре в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона выстроено таким образом, что имплицитно задан и основной вектор изучения метафоры в когнитивной лингвистике – сосредоточенность на ОМ: задача когнитивной лингвистики, в том числе и метафорики, – описать участие языка в мышлении и познании; результатом и целью метафоры является новое знание, следовательно, чтобы через метафору понять работу когнитивного механизма, надо исследовать ОМ.

Дж. Лакофф и М. Джонсон формулируют и описывают некоторые метафорические модели. При этом даже в этих формулировках ОМ выдвигается на первый план, занимая место подлежащего. ОИ выступает здесь как характеристика ОМ, соотносимая с предикатом. В результате получается некоторый перечень ОМ, вводимый формулой «они концептуализируются как...» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 76]. Сама синтаксическая конструкция предполагает, что здесь представлено именно знание об ОМ.

ОИ при анализе метафорических моделей характеризуется опосредованно, только для того, чтобы описать ОМ, например: «Метафора машины создает представление о *разуме как об устройстве*, которое характеризуется фазами включения-выключения, эффективностью, произведенной мощностью, в котором есть внутренний механизм, источник энергии, которому свойственны те или иные условия эксплуатации» [Там же, с. 53]⁴. Если бы именно характеристики ОИ находились в фокусе, то следовало не просто перевернуть высказывание, но необходимые были бы и серьезные уточнения.

В современной русской метафорологии ОИ также воспринимается чаще только как источник когнитивной информации, позволяющий получить знания об ОМ: говоря о том, что в результате метафорической проекции высвечиваются отдельные свойства ОИ, авторы перечисляют эти свойства исключительно для характеристики ОМ. Наиболее типичные проблемы, которые решаются в работах, где в качестве объекта исследования заявляется некоторая ОИ, связаны с тем, как используются знания об ОИ, с результатами метафорической проекции, при этом вопрос о содержании знаний об ОИ не ставится (см., например: [Потураева, 2011; Алексеева, Басалаева, 2014; Мусси, 2014]): авторы не сосредоточены на том, какие характеристики ОИ актуальны при метафорическом познании мира, каково содержание, культурная составляющая этих характеристик, данные об ОИ берутся как самоочевидные, не нуждающиеся в проверке и описании. Доказательством тому служат выводы, которые делаются в исследованиях указанного типа, например: «Витальная сфера моделирует власть как живое существо, наделенное зрением, как организм, который переживает смерть естественным или насильственным способом» [Пименова, 2012, с. 148]; или «итак, в целом метафорически представленная в библейских образах сфера экономического благополучия и кризиса» [Попова, Клименко, 2017, с. 57]. Какие свойства ада и рая актуальны для выражения этого противопоставления, как они истолкованы данной культурой, какую роль этим свойствам отводит языковой коллектив – эта информация в данном типе работ выпадает из поля зрения.

Описание характеристик ОИ в некоторых работах присутствует как сопутствующий результат. В такого рода исследованиях типичной является следующая формулировка предмета рассмотрения: «специфика использования и прагматический потенциал метафор с исходной концептуальной областью “Неживая природа» в текстах современных российских средств массовой информации» [Чудакова,

⁴ См. также с. 97, 101 и др.

2005, с. 4]. Так, например, в [Овсянникова, 2010] не ставится задача изучить составляющие ОИ, однако в выводах имеется информация, касающаяся этого компонента метафорического процесса:

«В сфере-источнике “Человек” актуализированы-признаки человека как существа с присущими ему состояниями и процессами, этапами на протяжении всего жизненного цикла от рождения до смерти, с внешним обликом и внутренним строением, а также свойственной человеку деятельностью, включая социальную деятельность.

Активному метафорическому переосмыслению в области геологии подвергаются образы сферы-источника “Дом”, связанные с домом как завершенным строением, состоящим из определенных частей и элементов, а также с процессами разрушения дома.

В сфере-источнике “Одежда” заимствуются образы, связанные с **изготовлением** одежды и ткани, готовыми предметами одежды, их частями, элементами, украшением, а также с головными уборами и обувью» [Там же, с. 171], см. также [Чудакова, 2005].

Косвенное описание ОИ представлено в работах, которые изучают многозначность через использование когнитивного термина *образ-схема*. Здесь производные значения слов анализируются через выявление компонентов образ-схем. Вот типичный ход рассуждения: «Регулярное семантическое варьирование лексем АСП [ассоциативно-семантического поля] “круг”, реализующих образ-схему соотношения центра и периферии, обнаруживается в актуализации сем “всеохватность” (*круговой обзор, вокруг ни души, окружить вниманием, кругозор, горизонт*), “полнота” (*круговой обзор, круглый сирота, круглый отличник, кругом виноват, кругом прав*), “объединение” (*свой круг, окружение политика, кружок Петрашевского, забота об окружающих людях, кругозор личности, горизонты интересов*), а также деактуализации семы “граница”, в отличие от других образ-схем концепта “круг” (*тишина кругом, оглядеться вокруг, окружение человека, круглый сирота, кругом виноват, занять круговую оборону, политический кругозор, быть окруженным вниманием, в ореоле славы, на периферии сознания* и др.)» [Резникова, 2015, с. 161]. Но, как следует из формулировок, избранных автором, его прежде всего интересует не образ-схема, а результаты ее применения к освоению других областей действительности. Как представляется, даже расстановка ключевых слов в таких статьях является неслучайной: на первом месте слова, сопряженные с результатами применения образ-схемы⁵, а только затем ее характеристики.

Определенный аспект изучения ОИ реализован в достаточно редких работах, где исследуется структура ОИ [Пименова, 2012; Овсянникова, 2010; Мишанкина, 2012]. Например, в [Пименова, 2012] ОИ «растение» охарактеризована через выделение ее структурных частей, эксплуатирующихся в метафоре: корни, стебли, крона, стволы и т. д. Кроме того, дается и краткая характеристика этих признаков.

Из всех областей действительности, используемых как источник когнитивной метафоры, наиболее изученным является «пространство» в его категориях, объектах и отношениях [Кустова, 2004; Горбунова, 2010]. При этом авторы ставят перед собой цель получить именно знания о пространстве, зафиксированные в языке. Метафорическое осмысление пространственных категорий как источник знаний о новых областях жизни в такого рода работах является не главной, а сопутствующей задачей.

⁵ См, например: «регулярная многозначность, семантическое варьирование, метафора, концепт, образ-схема, центр, периферия, круг» [Резникова, 2015, с. 158].

Сложилось устойчивое мнение, что теория когнитивной метафоры «не дает ясного ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной ОИ и ОМ в процессах метафоризации» [Баранов, 2004, с. 9]. Основной причиной этого принято считать неразработанность метаязыка представления знаний, зафиксированных в языковых единицах, невыявленность инвентаря формальных процедур преобразования знаний.

Однако, на наш взгляд, здесь важно еще и то, что отсутствует сама номенклатура знаний, которые подвергаются обработке в ходе метафорического освоения мира. Элементы этой номенклатуры выявляются в исследованиях, посвященных изучению метафор, но опять же косвенным образом. В результате в качестве ОИ из работы в работу называются «вместилище», «путь», «человек», «фауна», «флора», «ландшафт», «артефакты», «дом», «война», «игра» и др. [Чудинов, 2001; Овсянникова, 2010; Мишанкина, Деева, 2013]. Совершенно очевидно, что список таких сфер и категорий гораздо более широк.

Следует отметить, что в лингвистике предпринимаются попытки инвентаризации метафорических моделей в применении к определенному типу дискурса. Однако при этом акцент все же делается на результатах метафоризации, т. е. извлекаются данные об ОМ.

Итак, несмотря на то что задача изучения ОИ поставлена достаточно давно и детализирована по отношению к разным отраслям лингвистики⁶, она далека от решения в том числе и потому, что как цель когнитивного исследования метафоры доминирует именно ОМ.

В результате анализа ставших уже классическими установок авторов теории когнитивной метафоры и достижений русской когнитивной метафористики представляется необходимым сформулировать и обосновать перспективы изучения ОИ когнитивной метафоры.

Метафора играет ведущую роль в познании. Знания об ОИ квалифицированы как базовые. Увеличение количества работ, где в фокусе будет находиться именно ОИ, позволит выявить состав и содержание базовых знаний.

В ОМ отражаются результаты метафорического познания действительности. Они суть следствие соотнесения с данными об ОИ. Целостное и целенаправленное описание отдельных ОИ позволит верифицировать и уточнить выводы, уже сделанные о некоторых ОМ.

Авторы когнитивной теории метафоры также говорят о необходимости описать метафорические модели, которые возникают в результате сформированности устойчивых связей между некоторыми ОИ и ОМ. Для решения той задачи необходимо иметь детальное представление об обеих составляющих метафорического процесса. Поэтому целостное изучение ОИ необходимо как первоначальный, исходный этап решения указанной задачи.

Свойства объектов, эксплицированные с помощью метафор, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, не являются свойствами объектов как таковые, а основываются на человеческих представлениях о функциях, на человеческой перцепции, они являются интерактивными, имеющими смысл только относительно человеческой деятельности. Таким образом, изучение источников метафоры позволит говорить о тех свойствах объектов, которые человек выделяет из общего комплекса свойств.

Исследование номенклатуры этих свойств позволит установить, какие характеристики объектов и целостных фрагментов действительности задействованы в когнитивной деятельности, каковы их сущностные и концептуальные характеристики, выделить среди них универсальные и национально-специфические. По-

⁶ Ср., например: «полное исследование метафористики дискурса предполагает... разработку метаязыка описания области источника и области цели» [Баранов, 2004, с. 15].

добные данные позволят выйти на дальнейшее изучение таких значимых для современной лингвистики понятий, как *механизмы понимания, языковая картина мира, значение языковой единицы*.

Определяя установки когнитивной лингвистики, Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Мы в основном озабочены тем, как люди понимают свой опыт. Мы рассматриваем язык как источник данных, с помощью которых можно выявить общие принципы понимания» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 148]. Базовой составляющей понимания опыта являются знания, функционирующие в составе ОИ. Поэтому Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что результаты анализа метафор должны быть учтены при изучении языковых значений и обязательно представлены в словарях, что облегчит, например, понимание метафорических значений многих слов и выражений (*мы далеко зашли 'о любви'*). Для этого необходимо определить список ОИ и их характеристики, что позволит установить, каков состав базового опыта, как люди его понимают и как пользуются этим знанием.

Роль метафоры не ограничивается функцией познания. «Поскольку значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах и поскольку наше представление о материальном мире отчасти метафорично, метафора играет очень существенную роль в установлении того, что является для нас реальным» [Там же, с. 176]. Изучение характеристик ОИ, регулярно подвергающихся метафорической обработке, поможет в выявлении этой реальности.

Таким образом, несмотря на огромное количество исследований метафоры в когнитивном аспекте, еще имеется значительное количество лакунов, многие из которых связаны с фокусировкой на ОМ. Рассмотрение ОИ в указанных научных ракурсах позволит получить новое знание и верифицировать уже имеющееся.

Список литературы

Абрамова А. А. Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 275 с.

Алексеева М. П., Басалаева Е. Г. О метафорическом потенциале зоонимов в латинском языке (на материале лексикографических источников) // Проблемы интерпретационной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосибир. пед. ун-та, 2014. С. 26–34.

Баранов А. Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.

Горбунова Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 361 с.

Ковалев Н. А. Метафорика холодной войны в диахроническом аспекте (на материале СМИ США) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2017. № 6 (81). С. 97–105.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.

Мишанкина Н. А., Деева А. И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 29–37.

Мусси В. Семантические и лингвокультурологические аспекты изучения энтомологических метафор в русском языке (в сопоставлении с итальянским): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2014. 262 с.

Овсянникова В. В. Метафорические модели терминообразования научного геологического дискурса (сферы-источники «Артефакт», «Животное», «Растение») // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых. Томск, 2010. Т. 1, вып. 11: Лингвистика. С. 160–165.

Пименова М. В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147–153.

Попова Г. В., Клименко А. Н. Библейские метафоры в экономике (на материале современных публицистических текстов) // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 52–61.

Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «дом» в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 233 с.

Резанова З. И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 2 (18). С. 29–43.

Резникова Е. В. Образ-схема «центр – периферия» в аспекте регулярной многозначности // Изв. Самар. НЦ РАН. 2015. Т. 17, № 1. С. 158–161.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1993, p. 202–251.

L. I. Gorbunova¹, Cai Wei²

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

¹ ludgorbunova@mail.ru, ² cwnhm312@yandex.ru

**Source domain of cognitive metaphor:
status quo and prospects of research**

The paper is devoted to the problem of studying a source domain of cognitive metaphors in linguistics. The authors analyze in detail the data on a source domain of metaphor, which G. Lakoff and M. Johnson set forth in the book “Metaphors We Live By.” G. Lakoff and M. Johnson emphasize the target domain because it is the result of a metaphorical process. This fact has largely determined that in modern Russian metaphorology, only the target domain is the object of research. The authors of this works use the data on the source domain as self-evident that do not need to be studied. In addition, these data are given only to reveal the results of the metaphor, that is, to describe the target domain. The researchers tend to provide the characteristic of the source domain as a by-product, not the object of the study.

Knowledge of the source domain is fundamental and thus extremely important for a full and adequate characterization of the cognitive process. Identifying the composition and content

of basic knowledge will allow verifying the conclusions about the target domains that linguists have already made; establishing the characteristics of individual objects and integral fragments of reality that are most important for this culture; revealing how they are conceptualized. These results should be taken into account in the study of language meanings and language picture of the world.

Keywords: cognitive metaphor, conceptual metaphor, source domain, target domain.

DOI 10.17223/18137083/68/14

References

- Abramova A. A. *Obratimost' metaforicheskikh modeley "chelovek – eto mekhanizm" i "mekhanizm – eto chelovek" v russkoy yazykovoy kartine mira* [The reversibility of the metaphorical models "a man is a mechanism" and "a mechanism is a man" in the Russian language picture of the world]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2018, 275 p.
- Alekseyeva M. P., Basalayeva E. G. O metaforicheskom potentsiale zoonimov v latinskom yazyke (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) [On the metaphorical potential of zoonyms in the Latin language (by the material of lexicographical sources)]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Interuniv. coll. of sci. papers "Problems of interpretative linguistics"]. Novosibirsk, 2014, pp. 26–34.
- Baranov A. N. Predislovie redaktora [Editor's preface]. In: Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, "Editorial URSS", 2004, pp. 7–21.
- Chudakova N. M. *Kontseptual'naya oblast' "Nezhivaya priroda" kak istochnik metaforicheskoy ekspansii v diskurse rossiyskikh sredstv massovoy informatsii (2000–2004 gg.)* [Conceptual area "Inanimate nature" as a source of metaphorical expansion in the discourse of the Russian mass media (2000–2004)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2005, 24 p.
- Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001, 238 p.
- Gorbunova L. I. *Kognitivnyy obraz situatsii kak osnova semanticheskoy struktury yazykovoy edinitsy (na materiale edinits atributivno-lokativnoy yazykovoy modeli)* [Cognitive image of the situation as the basis of the semantic structure of a language unit (based on the attribute-locative language model units)]. Irkutsk, ISU Publ., 2010, 361 p.
- Kovalev N. A. *Metaforika kholodnoy voyny v diakhronicheskom aspekte (na materiale SMI SSHA)* [Cold war metaphors in the diachronic aspect (by the material of the US media)]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2017, no. 6 (81), pp. 97–105.
- Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 472 p.
- Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1993, pp. 202–251.
- Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, "Editorial URSS", 2004, 256 p.
- Mishankina N. A. *Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modelimodeli* [Metaphor in terminological systems: functions and models]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2012, no. 4 (20), pp. 32–45.
- Mishankina N. A., Deyeva A. I. *Neftegazovaya metaforicheskaya terminologiya: asimmetrichnost' i ekvivalentnost' perevoda (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Oil and gas metaphoric terminology: asymmetry and equivalence of translation (based on Russian and English languages)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013, no. 6 (26), pp. 29–37.
- Mussi V. *Semanticheskiye i lingvokul'turologicheskkiye aspekty izucheniya entomologicheskikh metafor v russkom yazyke (v sopostavlenii s ital'yanskim)* [Semantic and linguocultural aspects of the study of entomological metaphors in Russian (in comparison with Italian)]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2014, 262 p.
- Ovsyannikova V. V. *Metaforicheskkiye modeli terminoobrazovaniya nauchnogo geologicheskogo diskursa (sfery-istochniki "Artefakt", "Zhivotnoye", "Rasteniye")* [Metaphorical models of the term formation of scientific geological discourse (source domains "Artifact", "Animal", "Plant")]. *Aktual'nyye problemy literaturovedeniya i lingvistiki: Materialy konf. molodykh*

uchenykh [Actual problems of literary criticism and linguistics: Proceedings of the conf. of young scientists]. Tomsk, 2010, vol. 1, iss. 11: Linguistics, pp. 160–165.

Pimenova M. V. Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI [Power and politics: metaphors in media discourse]. *Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects*. 2012, no. 17, pp. 147–153.

Popova G. V., Klimenko A. N. Bibleyskiye metafory v ekonomike (na materiale sovremennykh publitsisticheskikh tekstov) [Biblical metaphors in economics (on the material of modern journalistic texts)]. *Proceedings of South-West State University. Series Linguistics and Pedagogical*. 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 52–61.

Poturayeva E. A. *Metaforicheskaya interpretatsiya kontseptual'noy sfery "dom" v russkoy yazykovoy kartine mira* [Metaphorical interpretation of the conceptual sphere "dom" (house) in the Russian language picture of the world]. Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2011, 233 p.

Rezanova Z. I. Obratimyie metaforicheskiye modeli: semantiko-funktsional'naya asimmetriya [Reversible metaphorical models: semantic-functional asymmetry]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2012, no. 2 (18), pp. 29–43.

Reznikova E. V. Obraz-skhema "tsentr – periferiya" v aspekte regul'yarnoy mnogoznachnosti ["Center – periphery" image in the aspect of regular multi-value]. *Izvestia RAS SamSC*, 2015, vol. 17, no. 1, pp. 158–161.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Russian language dictionary: in 4 vols]. A. P. Evgen'yeva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1981–1984.